

Бянь Хун чуть приподнялся, но всё же держал голову опущенной:

— Бои дело тяжёлое, а дома у меня есть дети, которых нужно кормить. Потому по истечении трёх лет я и подал прошение об отставке. Кто знал, что дома меня будет ждать великое несчастье... потому теперь я лишь веду детей к родне, искать прибежища.

Фувэй кивнул. Ху-бэнь-цзюнь была известна своей свирепой славой: продвижение по службе там шло быстро, но и погибали там столь же стремительно. Сам он никогда не рискнул бы идти в такие войска, но к тем, кто оттуда возвращался, испытывал уважение. Поэтому он не стал чинить Бянь Хуну препятствий и, сверив сведения о месте назначения, пропустил его.

Вскоре солдаты, громко перекликаясь, увели с собой пойманных мужчин, оставив в стороне женщин, стариков, детей и таких же, как Бянь Хун, мужчин с действительными дорожными пропусками.

Бянь Хун немного перевёл дух и собрался трогаться дальше. Он уже успел расспросить одного из молодых солдат о том, где находится Наньци-Вадзы. Тот сказал, что это под Хэнсянлином, к югу. Но солдат снова и снова предупреждал его: главное не пройти слишком далеко на юг; дальше начинается гора Мэмэн, и туда идти нельзя. Только вот солдат не успел объяснить, почему, его уже позвали, и он ушёл с основным отрядом.

Бянь Хун взял Юаньдина за руку, посадил Гуаньбао на спину и, намереваясь отделиться от толпы, направился к хребту Хэнсянлин. Но посреди пути вдруг случилось непредвиденное: в задних рядах толпы кто-то отчаянно закричал:

— Бегите! Быстрее бегите! Разбойники!

В одно мгновение беженцы, словно потревоженный улей, в панике разлетелись во все стороны. Они наткнулись на шайку бандитов, пришедших грабить и убивать именно в тот промежуток времени, когда солдаты уже ушли.

В год великого бедствия разбойники плодятся быстрее всего. Эти головорезы убивали, не моргнув глазом: одним рывком они скатились со склона, и, даже не спрашивая, кого перед собой видят, сразу заносили ножи. Некоторые, мало того, что вырывали поживу, так ещё и перерезали женщинам горло, а затем, навалившись, пили кровь.

Бянь Хун не стал оглядываться. Он подхватил уже не способного бежать Юаньдина на руки и рванул к редким деревьям впереди. Но двое маленьких детей - слишком заметная добыча, и его всё же заметили. Один одноглазый, крепко сложенный мужик с острыми жёлтыми зубами, облиставшись, устремился за ними, не скрывая хищной слюны.

За годы выживания в этом мире Бянь Хун уже знал - такие зубы чаще всего бывают у тех, кто охотно ест человеческое мясо.

Бянь Хун уже несколько дней толком не ел, сил почти не осталось, и уйти далеко с двумя детьми на руках он не мог. На его спине трясся от ужаса трёхлетний Гуаньбао, а семилетний Юаньдин побледнел до синевы. Но, поколебавшись всего миг, Юаньдин всё же стиснул зубы и принял страшное решение.

— Брат, ты беги! С нами ты всё равно не убежишь!

Бянь Хун опустил взгляд и увидел в глазах мальчика неподдельный страх, но ничего не сказал. Лишь стиснул зубы, рванул к склону, покрытому мягкой подстилкой из сухих листьев, сорвал с себя рваную ватную куртку, завернул в неё обоих детей, и поспешно, вполголоса, велел Юаньдину:

— Береги младшего брата. Если я не вернусь, бери его и беги. Иди всё время на юг - дойдёте до Наньци-Вадзы, к дому дяди.

Сказав это, он, используя ватник как защиту, столкнул обоих детей вниз с мягкого, усыпанного листьями склона. Юаньдин и Гуаньбао даже крикнуть «брат» не успели.

Разбойник, подбежавший почти вплотную, увидел, что дети скатились вниз и скрылись из виду, и, конечно, не стал отступать - огромный нож с медным кольцом на рукояти взвился в воздух, и бандит ринулся вперёд. Бянь Хун, мгновенно перекатившись, избежал удара, затем выдернул из-под ремня на бедре острую деревянную палку и вступил в схватку с гигантским головорезом.

Спустя короткое время оба уже были изрезаны и истекали кровью. Силы Бянь Хуна стремительно иссякали. Разбойник улучил момент, когда у Бянь Хуна задрожала рука, рывкнул и обрушил тяжёлый клинок сверху. Деревянный кол, которым тот блокировал удар, разлетелся пополам. Следующий взмах шёл уже прямо ему в горло. Бянь Хун, стиснув зубы до хруста, выхватил обломок и вонзил его разбойнику в подколенную ямку. Тот взвыл от боли, тело его дёрнулось, и Бянь Хун, перехватив момент, вывернул у него из рук нож и, обезумев, принялся рубить им вслепую.

Разбойник, захлёбываясь страхом, умолял о пощаде, но взгляд Бянь Хуна был пустым, остекленевшим. Вскоре тот стих окончательно. Опамятовавшись, Бянь Хун увидел перед собой месиво из плоти и крови. Он осел на колени, всё тело тряслось, руки не слушались, и он, будто лишённый воли, разворотил лезвие к себе и медленно потянулся шеей на острие. На лице появилась мучительная мука и борьба.

В последний миг, когда лезвие осталось в каких-то цунях от его горла, на лбу вздулись жилы, и он, тяжело, хрипло дыша, заставил себя опустить нож.

Он судорожно повторял себе, что не может умереть. Он должен жить.

— Брат! — раздался дрожащий голос Юаньдина с подножия лиственного склона. Гуаньбао

разрыдался. Двое детей не только не убежали - они, цепляясь за листья и корни, пытались, спотыкаясь, карабкаться обратно наверх.

Нож с медным кольцом с глухим упал на землю. Бянь Хун был весь мокрый, будто только что выбрался из воды: пот размывал кровь на лице и руках. Он вытер себя сухой землёй, как мог, и, в полном изнеможении, повернулся, чтобы искать детей внизу склона.

— Не бойтесь, брат здесь, — хрипло сказал он.

Он нашёл обоих детей, обессиленных от слёз настолько, что ноги у них подкашивались. Они забились вместе под укрытием из сухих листьев у подножия склона. Лишь когда наверху постепенно всё стихло и стало ясно, что опасность миновала, Бянь Хун взял детей на руки и продолжил путь на юг.

Но той же ночью у Гуаньбао поднялась сильная лихорадка, его тело стало обжигающе горячим. С самого рождения, когда мать умерла в родах, он ни разу не пил материнского молока, рос кое-как, да ещё и в голодные годы. Организм у мальчика был и без того слаб, а после пережитого ужаса ему стало совсем плохо.

Бянь Хун ничего уже не мог поделать иначе. На следующий день, добравшись наконец до людного места, он заложил единственную ценную вещь - свой медный амулет-чанминсо, чтобы достать лекарства и показать Гуаньбао доктору.

Годы были такие, что жить стало труднее некуда, зато маленькие ломбарды процветали. Подмастерье, повидавший слишком много тех, кого беда довела до полного разорения, даже спрашивал уже без всякого выражения:

— Живой заклад или мёртвый?

Живой заклад - полгуаня, мёртвый - два ляна.

Бянь Хун на мгновение застыл. Пальцами провёл по медному чанминсо с тонкой резьбой в виде летящей птицы, не желая расставаться с ним.

— Мёртвый, — сказал он.

В год бедствий повсюду свирепствовали болезни, лекарства стоили непомерно дорого. После того как он возьмет необходимые снадобья, оставшихся денег хватит лишь на один-единственный сытный приём пищи.

Стоило ему сказать это, как за его спиной с грохотом распахнулась дверь ломбардной лавки. Подмастерье, увидев, кто вошёл, сразу же расплылся в улыбке, хотя выражение лица было какое-то непривычное, будто он и рад, и боится одновременно:

— Ох, вы пришли! Редкий гость, редкий гость.

Бянь Хун обернулся - к прилавку подошёл рослый, почти исполинского сложения мужчина, на плечах нёсший огромный свёрток шкур. Шёл он уверенно, легко, несмотря на тяжесть ноши. Мужчина поправил на голове соломенную шляпу, потом слегка дёрнул плечом, и свёрток тяжело рухнул на прилавок, отчего тот содрогнулся.

Затем мужчина коротко произнёс хрипловатым, низким голосом:

— Двадцать шкур.

— Конечно, конечно, по старой цене, — живо откликнулся подмастерье.

Человек этот давил одним своим присутствием, и Бянь Хун почувствовал себя крайне неуютно. Поэтому он поспешно положил чанминсо на прилавок, взял два лян серебра и сразу же вышел из лавки.

Тот мужчина скользнул взглядом по Бянь Хуну с двумя детьми. На руках у Бянь Хуна Гуаньбао, охваченный жаром, лежал тихо и послушно, а заметив столь огромного человека, любопытно моргнул на него - ему ещё никогда не доводилось видеть такого «большого» дядю. Интересно, сколько же цзяньбиней надо, чтобы он наелся?

Бянь Хун ни на что вокруг не смотрел. Он спешил в аптеку с детьми на руках. Был уже час, когда каждая семья запирала двери и тушила лампы, но в лекарской лавке старый лекарь наконец освободился.

Стоило ему увидеть Бянь Хуна, как он сразу определил - пришли беженцы: одежда в лохмотьях, тела измучены. Старый лекарь невольно вздохнул: дойти с двумя маленькими детьми до этого места само по себе чудо. Да и хотя они беженцы, за лекарство они платят без промедления, значит, обращаться с ними можно по-человечески. Он основательно осмотрел Гуаньбао, выписал лекарства и, проявив редкое сострадание, предложил им переночевать в старенькой аптеке, мол, завтра уже думайте, куда идти.

Даже так, встретив столь редкую доброту, Бянь Хун почти ничего не говорил. Он только держал обоих детей в руках и тихо сидел, свернувшись как можно компактнее на узком свободном участке возле печки, в тесноте между шкапами с лекарственными ящиками.

В котле на плите кипел отвар, помещение наполнял густой, горьковатый запах трав. Старый лекарь, покачивая веером над огнём, бросал взгляды на Бянь Хуна. Тот явно был не в себе; да и дети такие маленькие, так крепко к нему прижались... Похоже, что-то здесь неладно. Лекарь, помолчав, всё же решился заговорить.

— Малец, дай-ка я и тебе пульс проверю. Пропустишь меня, и в округе ли на сто уж точно

другой аптеки не сыщешь.

Услышав голос, Бянь Хун мгновенно распахнул до того прикрытые веки. В его глазах не было ни следа сонливости, лишь насторожённость. Видно было, что он ни на миг не позволял себе расслабиться.

— Не нужно. Благодарю.

Старый лекарь покачал головой и тяжело вздохнул, ну что ж, как скажет.

На следующее утро Бянь Хун простился с лекарем, расплатился за лекарство, а на оставшиеся медяки купил несколько грубых лепёшек. Затем, взяв детей, они отправились в путь.

Жар у Гуаньбао хоть и спал, но малыш всё ещё был слаб, поэтому Бянь Хун привязал его к себе под ватник и нёс на спине. Каждый раз, подходя к развилке, он останавливался, доставал простую карту и сверял путь. Перед дорогой он спросил старого лекаря о направлениях. Тот, некогда в молодости переходивший горы и реки в обходные врачебные обходы, хорошо знал эти места, и прямо на месте набросал Бянь Хуну простую схему дороги.

Однако в старости у него ноги ослабли, многие годы он не выходил в горы по вызовам, и потому опасался, что тропы могли измениться. Он настойчиво предупреждал Бянь Хуна: если вдруг собьёшься с пути, иди вдоль хребта, ни в коем случае не лезь через горы.

Идя вдоль хребта, рано или поздно наткнёшься на людей; а вот переходить через горы - смертельный шаг. Гора Мэмэн была известна своей лютой славой: почти никто не возвращался живым, ступив в неё.

Бянь Хун осторожно сверял каждую развилку. Их долгий путь, где смерть то и дело дышала в затылок, наконец подходил к концу, тем более нужно было быть внимательным.

Но небо словно нарочно взбунтовалось. Ещё не стемнело как следует, а уже гремели глухие раскаты грома - вот-вот грянет осенний ливень. Бянь Хуну пришлось подхватить Юаньдина и пуститься бегом: по карте старого лекаря неподалёку стояла заброшенная храмовая постройка, где много лет путники пережидали непогоду.

Все трое мчались, как могли, но дождь всё равно настиг их и промочил до нитки. Храм был уже совсем близко. Юаньдин выскользнул из-под руки Бянь Хуна и бросился к дверям, чтобы открыть их, но Бянь Хун резко схватил его и отдёргнул назад.

В храме кто-то был.

Из узкой щели, которую приоткрыл Юаньдин, пробивался огонёк. Бянь Хун заслонил детей собой, вытащил из-за голени обломанную наполовину деревянную палку с остриём и другой

рукой медленно толкнул дверь.

Дверь открылась, и он увидел: у жаркого костра сидел мощный, широкоплечий мужчина. Тот, ещё до того как Бянь Хун вошёл, нагнулся, поднял лежавшую у ног соломенную шляпу, надел её на голову; затем бросил короткий, спокойный взгляд на вошедшего и больше не обратил на него внимания, занявшись подкладыванием хвороста в костёр.

Этого человека Бянь Хун уже видел в ломбарде - тот самый великан, который принёс двадцать шкур. За семь-восемь лет в этом мире и за три года службы в войске Бянь Хун мало встречал столь же рослых и крепких людей. В присутствии такого ощущалась настоящая тяжесть, почти угроза.

Если бы он был один, Бянь Хун скорее предпочёл бы мокнуть в дождливую ночь под открытым небом, чем зайти сюда. Но Гуаньбао ещё не оправился, а одежда промокла до нитки - в храм нужно было войти.

Они не обменялись ни словом. Бянь Хун, тихо шурша, устроился в дальнем углу, как можно дальше от незнакомца, стал вытирать детей и отжимать их мокрую одежду.

За стенами храма бушевал ливень, дождь хлестал как из ведра, гром грохотал так, что звенело в ушах, но внутри стояла тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием поленьев в огне. Вскоре мужчина собрал свои вещи, отошёл от костра и ушёл спать за глиняную статую Будды в глубине храма.

Бянь Хун не знал, что это значит, но Юаньдин и Гуаньбао дрожали от холода. Когда позади статуи стало тихо, и было похоже, что человек уснул, Бянь Хун спустя некоторое время всё же решился подвести детей ближе к огню. Пока он настороженно следил за малейшим шорохом за статуей, одежда детей успела высохнуть, а грубые лепёшки прогрелись у огня.

К полуночи дождь начал стихать. Юаньдин и Гуаньбао сладко спали у тёплого костра, на их лицах, освещённых огнём, впервые за долгое время проступил здоровый детский румянец. Бянь Хун же внезапно поднялся - он услышал волчий вой.

Часть воя доносилась издалека, но две ноты прозвучали совсем рядом. Бянь Хун напрягся. Храм стоял полуразваленный, с щелями в стенах; если стая нападёт слаженно, им всем будет не выжить. И в этот момент мужчина, спавший за статуей, каким-то образом уже оказался на ногах. Всего за пару шагов он пересёк храм и оказался у входа. На его широченных плечах был перекинут короткий охотничий лук.

Из-за неожиданности мужчина даже не успел надеть шляпу. Его густые, цвета тёмного каштана волосы были кое-как собраны сзади, словно жёсткий конский хвост, длинные пряди вперемешку с короткими.

Вой становился всё ближе. Бянь Хун поначалу решил, что стая пришла за ними - живой

человеческий запах в такую ночь слишком приманчив. Но затем снаружи послышались хаотичные звуки яростной схватки, будто что-то рвали, кусали, валили на землю. Он закутал детей в ватную куртку так плотно, как мог, затем подкрался к окну на другой стороне и выглянул наружу.

То, что он увидел, поразило его: волки пришли не охотиться на людей в храме. Целью стаи были две другие волчьи особи. У тех глаза налились кровью, из пастей текла вязкая слюна, движения были дергаными, бешеными. Они нападали на всё живое, что оказывалось рядом, не разбирая, кто перед ними, свой или чужой.

Бянь Хун нахмурился. Он сразу подумал о заразной болезни. Если такие волки успеют укусить остальных, вспышка охватит всю стаю, и тогда не выживет ни один.

И в этот момент он увидел, как мужчина, который всё это время наблюдал у дверей, внезапно распахнул створку и стремглав бросился к склону, где кипела волчья свалка.

Бянь Хун вздрогнул так сильно, что сердце подскочило. Он поспешил к дверям, чтобы наблюдать, быть готовым в любой момент захлопнуть и задвинуть их. Этот человек... он жить устал? Сам Бянь Хун и то, бывало, не видел смысла жить, но вот так броситься на волков? Такой смерти он себе никогда не желал: слишком кроваво, слишком мучительно.

Но случилось странное: когда мужчина приблизился, волки подняли морды, втянули носами воздух и... не набросились. Они держались настороже, но не атаковали. Мужчина двигался стремительно, гибко. Добежав до скалистой стенки, он несколькими пружинистыми прыжками взлетел на выступ и, закрепившись, вскинул лук и выстрелил по двум бешеным волкам.

Бянь Хун только присвистнул про себя: раздалось два сухих щелчка, он не разглядел, куда легли стрелы, но обе волчьи туши тут же обмякли и рухнули на землю без единого звука. Увидев мёртвых больных братьев, волчий вожак коротко взвыл. Стая откликнулась, и, скрываясь в ночной тени, быстро отступила, перепрыгивая через камни, ускользя в сторону гор.

Старый лекарь говорил: идти через горы - значит оказаться в смертельной зоне. А смертельная зона - это гора Мэмэн. Бянь Хун стоял, ошеломлённо глядя, как волки исчезают в глубине леса. И не заметил, как мужчина уже подошёл к дверям храма, таща за собой две мёртвые туши волков.

Он толкнул дверь, и Бянь Хун, не ожидавший его появления, столкнулся с ним лицом к лицу. Оранжево-красный свет от костра лег на лицо мужчины. Тёмно-каштановые пряди, прежде закрывавшие половину его лица, были растрёпаны ночным ветром, полностью обнажив его черты. Высокая, с лёгким горбинкой переносица; глубокие надбровные дуги; и пара разноцветных глаз, в которых промелькнуло смятение от того, что его разглядели.

У этого человека глаза были разного цвета.

Левый - тёмно-карий, обычный.

Правый - синий, как морская вода.

<http://bllate.org/book/13502/1199886>